

УДК 811.111'373.2 + 811.112.+ 811.161.+ 81'373.43

ПРАГМАОНОМАСТИКА И ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «СЛОВ ГОДА» В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Л.М. Сапожникова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье проводится прагмаономастический анализ собственных имён и деонимов на их базе – «слов года» в Германии и России с 2007 по 2013 годы. Автор исследует состав прецедентного ономастического пространства немецких и русских «слов года», а также особенности актуальных прецедентных собственных имён различных ономастических разрядов. «Слова года» с ономастическим компонентом активно участвуют в формировании «ментальной культуры» общества, системы ценностей и идей, регулирующей социальные отношения.

Ключевые слова: *немецкий язык, русский язык, собственные имена, прагматика, слова года, неологизм, прецедентные имена.*

По мнению немецкого лингвиста-ономатолога Ф.Дебуса, для современного этапа развития ономастики характерна её прагматизация [4: 65]. Прагмаономастика как раздел ономастики, изучающий в системе различные аспекты отношений между собственным именем как языковым знаком и участниками коммуникации в комплексном (когнитивном и дискурсивном) процессе коммуникации, зародилась в 70-е годы XX столетия. Следует отметить, что отдельные прагматические аспекты всегда присутствовали в фокусе внимания ономатологов, например, проблемы выбора личного имени, использования различных форм именования лица в разных речевых ситуациях и др. В настоящее время прагматические компоненты содержания онимов, связанные с участниками коммуникации, их отношением к объекту ономастической номинации, с особенностями самой речевой ситуации использования собственного имени, приобретают всё большую актуальность для прагмаономастических исследований («Namenpragmatik»), а также междисциплинарных социоономастических («Namensoziologie») и психоономастических («Namenpsychologie») исследований [4: 65–72].

Антропоцентризм и функционально-прагматический подход в современных ономастических исследованиях в России проявляются в особом внимании учёных к когнитивной парадигме ономастических номинаций с учётом «человеческого фактора», а именно – к продуцированию, хранению, использованию и восприятию ономастических знаков в соответствии с коммуникативно-когнитивной задачей номинативного акта. Изучению когнитивно-дискурсивного аспекта собственных имён (далее – СИ) в широком социокультурном, историческом и функционально-прагматическом контексте посвящены диссертационные исследова-

дования М.А. Захаровой (2004), С.М. Пак (2005), Е.А. Нахимовой (2007), Ю.А. Блиновой (2007), В.А. Ражиной (2007), Л.А. Артемовой (2008), О.В. Кисель (2009), Е.Ф. Ковлакас (2009), Т.А. Бурковой (2010), К.А. Андреевой (2011), Е.Ю. Вояжиной (2011), Т.В. Шпар (2012), М.В. Кузнецовой (2012) и др.

СИ позиционируются во многих российских и зарубежных ономастических исследованиях как ментальный и социокультурный феномен, как «репрезентанты культурного пространства». Исследования дискурсивной составляющей ономастического акта номинации позволяют лингвистам обращаться к ментальным сущностям, т.е. знаниям, мнениям людей, их оценкам объектов ономастических номинаций и таким образом учитывать в анализе смыслового содержания собственных имён сведения, выходящие за пределы референциального значения приориальных единиц.

В данной статье предпринята попытка прагмаономастического описания новейших процессов конвенциализации СИ и деонимов на их базе, т.е. фиксации и закрепления знаний, умонастроений в обществе в конвенциональных формах «слов года» с ономастическим компонентом в немецкой и русской лингвокультурах. Материалом для обзора послужили СИ и соответствующие деонимы, зафиксированные в русских и немецких «словах года» с 2007 по 2013 гг.

«Слово года» – проект, который приобретает всё большую популярность во многих странах, поскольку он отражает «пульс» времени, позволяет с помощью анализа вербальной активности языкового коллектива подвести итог прошедшим событиям года, ощутить настроение в обществе. Таким образом, слова-символы года являются вербальными маркерами времени, определяющими направленность и характер политических, экономических и социальных дебатов в обществе и в СМИ.

В Германии конкурс «Слово года» проводится с 1977 года ежегодно при поддержке Общества немецкого языка в Висбадене (*Gesellschaft für deutsche Sprache – GfdS*). По мнению немецкого жюри, для отбора 10 «знаковых слов года» релевантна не столько высокая частотность их использования в СМИ, сколько их значимость для политической, экономической и общественной жизни страны и соответственно для общественного дискурса. Определение рейтинга слов года и его обсуждение становится лингвистическим итогом года. На сайте Общества немецкого языка такие слова называются «языковой хроникой года», «вербальными следами уходящего года» («*verbale Leitfossilien*», лат. *fossilis* – ископаемый) [5]. Выбирая слова года, общество включается в процесс активной саморефлексии и обозначает с помощью этих слов знаковые события года и настроения в обществе и составляет таким образом словесный портрет времени.

В России выборы «слова года» впервые состоялись в 2007 г. Голосование проводилось Центром развития русского языка при Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, в нём участвовали философы и культурологи, лингвисты, писатели, журналисты. С 2009 года в голосовании принимают участие все желающие, а не только эксперты. В 2011 году проводились уже два отдельных голосования: профессиональное (Центром творческого развития русского языка при С.-Петербургском университете и Международной Ассоциацией преподавателей русского языка и литературы) и общественное (группой «Слово года–2011» в Фейсбуке). Помимо выборов «слов года» компанией Public.ru проводится мониторинг прессы по федеральным и региональным общественно-политическим и деловым печатным изданиям, интернет-СМИ, передачам центральных теле- и радиоканалов (более 4000 изданий в целом) и соответственно конкурс на определение «пресс-слов года».

Следует отметить, что и в русских, и в немецких «словах года» чрезвычайно активно используется ономастический ресурс, поскольку СИ, связанные с известными личностями, резонансными событиями, географическими объектами, названиями продуктов материальной и духовной деятельности человека, легко становятся онимическими маркерами стоящих за ними общезначимых социально-политических и культурных явлений. В этом случае СИ соотносятся с денотатами, для которых характерна широкая известность в рамках одного лингвокультурного или всего мирового сообщества, актуальность в понятийном и эмоциональном плане и высокая востребованность в речи. Наиболее частотные вербальные маркеры соответствующего временного отрезка обладают высоким прагматическим потенциалом и активны в словообразовательном и коллокационном плане.

Например, первым словом в списке слов 2012 года в России было признано прилагательное *Болотная*. Необходимость компонента *площадь* в данном топониме быстро отпала, поскольку в русском языковом сообществе всем ясно, о каком месте и о каких событиях идёт речь, а именно – о многотысячных митингах оппозиции на Болотной площади. СИ, вернее его ключевой атрибутивный компонент, перестало быть просто топонимом и приобрело символическое значение ‘оппозиция, протестное движение в обществе’. Когнитивный ряд данного СИ расширился за счёт детопонимических образований и коллокаций на его базе: 3-е место в рейтинге новых слов и выражений «Пресс-слов 2012» заняло выражение *болотное дело* (3 674 упоминаний в СМИ); словарная фантазия журналистов и блогеров дала жизнь в 2012 году также новому слову *бОлОтироваться*. В данном значении онимический маркер социально-политического явления продолжает активно использоваться в обществе и в настоящее время. В 2013 году социально-политическая

значимость и соответственно стабильная политическая маркерность данного СИ в словосочетании *болотный процесс* подтверждается результатом общественного голосования на «Эхо Москвы» – 29,6 % , а именно 2-е место в рейтинге слов 2013 года. Словосочетание *узники Болотной* заняло 3 место в рейтинге «выражений 2013 года».

Определённое сходство в коммуникативно-когнитивном механизме конвенциализации СИ и закрепления в обществе в качестве омиического маркера протестного движения в немецком обществе наблюдается относительно выражения *Stuttgart 21* (или аббревиатуры *S21*), которое оказалось на 2-м месте в списке немецких слов года в 2010 году. Это выражение является названием грандиозного строительного проекта, а именно строительства современного подземного вокзала в Штутгарте, который планируется к вводу в эксплуатацию в 2021 году, и одновременно служит олицетворением активной позиции граждан относительно реализации крупных строительных проектов. Позиция противников этого мегапроекта была изначально достаточно сильна, они были не согласны с запланированным сносом части здания старинного вокзала, памятника архитектуры, вырубкой деревьев в парковой зоне в центре города и огромной стоимостью строительства. Однако проект был поддержан 59 % населения федеральной земли Баден-Вюртемберг. Несмотря на многочисленные акции протеста и столкновения в ходе этих акций с полицией, строительство вокзала стремительно продолжалось. Пик активного использования СИ *Штутгарт 21* приходится на начало строительства в 2010 году. Гражданская платформа «*Direktzu Stuttgart 21*» объединила впоследствии 5 миллионов читателей, 1300 вопросов было поставлено в режим интерактивного голосования. Мегапроект находится в фокусе активного внимания общественности по сей день. Только время и будущие события вокруг многомиллиардного проекта продемонстрируют дальнейшую тенденцию роста или падения степени прецедентности данного СИ для немецкого сообщества.

Лишь при условии владения фоновой информацией относительно подобных СИ национального уровня прецедентности или «национально-прецедентных феноменов» [3: 96; 1: 13] возможна адекватная интерпретация смысла многих высказываний в зарубежных СМИ. Например, статья Никиты Жолквера на русскоязычном портале «*Deutsche Welle*» называется «*Штутгарт 21*» – *не первый Химкинский лес в новейшей истории Германии*» и посвящена истории гражданских инициатив, связанных с крупными строительными проектами в Германии [2]. В названии данной статьи автор объединил два СИ, являющихся маркерами протестного движения в Германии и России в связи с гигантскими стройками и ставших соответственно словами года в этих странах: *Stuttgart 21* – 2-е место в списке «слов 2010 года» в Германии, *Химкинский лес* – 5-е место среди «словосочетаний 2011 года» в России. Адек-

ватная интерпретация данного заголовка возможна для читателей именно этого ресурса, однако в традиционном немецком или российском политическом дискурсе были бы необходимы дополнительные комментарии относительно названных СИ, поскольку каждое из этих прецедентных имён отличается ограничением уровня прецедентности до границ отдельной лингвокультуры.

Среди новейших немецких и русских «слов года» обнаруживаются и абсолютные параллели в случае СИ, которые соотносятся с событиями или явлениями общемировой значимости, например, СИ *Fukushima* (*Фукусима*) (5-е место в 2011 г. как в Германии, так и России), имя города и префектуры Японии, где находится атомная электростанция, на которой в марте 2011 г. произошла крупнейшая авария в истории атомной энергетики после Чернобыля в 1986 году. Во всем мире это имя стало символом атомной трагедии. В случае таких общеизвестных СИ мы имеем дело с общечеловеческим содержанием и интернациональными прецедентными инвариантами на уровне референции и языкового значения как минимизированных политических или культурных ассоциаций, или «универсально-прецедентными феноменами» [4: 96; 1: 13]. Таким образом, «слова года» с ономастическим компонентом представляют собой собственные имена или деонимы на их базе, а также словосочетания с ними, которые получили широкое распространение в соответствующем году, наиболее метко отражают самые важные события года и становятся онимическими маркерами политической, экономической или общественной жизни страны, индикаторами унастроения народа и пульса общества.

Особый интерес для кросскультурной прагмаономастики представляют немецкие и русские «слова года» с антропонимическим компонентом, поскольку базируются на СИ известных политических и общественных деятелей и подтверждают тезис о высокой роли личности в жизни общества и об ответственности политических лидеров перед обществом и будущими поколениями. При этом антропонимические маркеры приобретают аксиологическую функцию и участвуют в качестве ценностных ориентиров в формировании актуальной системы общественных и политических ценностей.

В списки немецких «слов года» последних лет вошли такие антропонимические маркеры политической и общественной жизни ФРГ, как *wulffen* (вульфить) ‘оставлять гневные сообщения на автоответчике’, ‘незаконно поступать в целях личного обогащения, жить за чужой счёт’, ‘лгать, недоговаривать правду’ от СИ бывшего президента ФРГ Кристиана Вульфа (2012); *gutenbergen* (сгуттенбергить) ‘списывать’, ‘заниматься плагиатом’ от фамилии бывшего министра обороны Германии Карла-Теодора цу Гуттенберга (2011); *Merkozy*, совместное обозначение федерального канцлера Германии А. Меркель и бывшего президента

Франции Н. Саркози (2011); *Sarrazin-Gen* (ген Сарацина, «еврейский ген») (2011).

Среди русских «слов года» – антропонимических маркеров политической, экономической и общественной жизни России последних лет можно назвать *депардировать* ‘переезжать с целью ухода от налогов’ от имени французского актера Ж. Депардьё (2013); *пехтинг* ‘процесс разоблачения российских чиновников’ от имени бывшего депутата Госдумы В. Пехтина (2013); *мизулинг* ‘борьба с гомосексуализмом и педофилией, часто в искусстве, которая носит абсурдный характер’ от имени депутата от партии СР Е. Мизулиной (2013); *сердюковщина* ‘коррупция, злоупотребления чиновников и безнаказанность’ вследствие грандиозного коррупционного скандала в Министерстве обороны от имени министра обороны А. Сердюкова, а также выражения *сердюковские реформы, дамы сердюкова* (2013); *путинизм, путинизация, путинг* от имени президента России В. Путина (2012); *чурова победа, чуровщина года* от имени председателя ЦИК В. Чурова вследствие претензий избирателей к результатам подсчётов голосов на выборах в конце 2011 и весной 2012 г. (2012); *медвепутия* ‘обозначение современной России’ (2011); *евсюковщина* от имени бывшего майора милиции Д. Евсюкова, открывшего стрельбу в московском супермаркете (2009).

Следует подчеркнуть, что российские «слова года» последних лет с антропонимическим компонентом отличаются яркой негативной оценкой общественных явлений и действий соответствующих политических и общественных деятелей. Они характеризуются также высокой экспрессивной заряженностью, что отражает эмоциональное состояние общества и тяготение к отрицательному аксиологическому полюсу в российской политической ментальности. В этих словах-символах года используются чаще всего словообразовательные модели не нейтральных существительных, среди них много жаргонизмов. Немецкие «слова года» с антропонимическими маркерами главных событий года выражают также чаще всего отрицательное отношение к деятельности базовых объектов имени, однако эмоциональная окраска в них более сдержанная и в них преобладают глагольные словообразовательные модели.

СИ-топонимы или детопонимы также включают в себе высокий социокультурный и ментальный потенциал в качестве ономастических компонентов русских и немецких «слов года», например: *Stuttgart 21* (2010), *Химкинский лес* (2011). Степень прецедентности СИ-топонимов или деонимов на их базе, которые являются конденсаторами культурной и политической памяти общества, обычно возрастает в период политической активности в стране или регионе. Также как и в Германии эпохи объединения, актуальный период исторического развития в России характеризуется политической активностью населения и протестными настроениями в обществе, что вызывает появление относительно

большого количества «слов года» именно с топонимическим компонентом. СИ-топонимы могут выступать маркерами политических событий, которые происходили в конкретном месте, например: *Манежка* (2011), *Болотная* (2012), *Бирюлево* (2013). 4-е место в списке слов 2013 года занял *Евромайдан* как обозначение массовых акций протеста и деятельности внесистемной оппозиции в Украине, которые стали результатом отказа В. Януковича подписывать соглашение об Ассоциации Украины с Европейским Союзом. И если в 2004 году украинский *Майдан* восстал против результатов нечестных выборов, *Евромайдан* на рубеже 2013–2014 гг. боролся за политическую власть и за европейские ценности.

Изменение баланса прецедентности в списках «слов года» в пользу СИ-топонимов или детопонимов свидетельствует о протестном настроении в обществе, об эпохе перемен в политическом сознании социума, о сильном влиянии «языка площади» на политический и общественный дискурс и в целом на процессы коммуникации в соответствующей лингвокультуре. В период политической активности общества, волны протестного движения, митингов и демонстраций отмечается подъём лексической креативности социума, словотворчество на базе СИ-топонимов, например: слово 2013 года *прикремленные* на базе ойконима *Кремль*, вызывающее ассоциации со словами «прикормленные» и «прикрепленные»; слово 2011 года *москватизация* 'поглощение Москвой близлежащих населенных пунктов, скупка московским бизнесом и состоятельными москвичами недвижимости в регионах'. Таким образом, высокий удельный вес «слов года» с топонимическим компонентом в общем списке ономастических маркеров времени может являться определённым индикатором высокой политической и социальной активности социума, качественных изменений в политической ментальности общества.

Подводя итоги прагмаономастического описания новейших процессов в лексиконах немецкого и русского языков, следует отметить, что «слова года» с ономастическим компонентом активно участвуют в рамках процесса ономастической конвенциализации как ментальный и социокультурный феномен в формировании «ментальной культуры» общества, т.е. системы ценностей и идей, регулирующей социальные отношения в обществе.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М.: МГУ им. Ломоносова, 1999. 42 с.
2. Жолквер Н. «Штутгарт 21» – не первый Химкинский лес в новейшей истории Германии // Deutsche Welle. Темы дня / Политика и

- общество / Германия. 01.02.2011 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dw.de/штутгарт-21-не-первый-химкинский-лес-в-новейшей-истории-германии/a-6424512> (дата обращения: 24.03.2014).
3. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог МГУ, 1998. 352 с.
 4. Debus F. *Namenkunde und Namengeschichte : Eine Einführung. Grundlagen der Germanistik 51.* Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2012. 280 S.
 5. Gesellschaft für deutsche Sprache. Wort des Jahres [Electronic resource]. URL: <http://www.gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (accessed at 24.03.2014).

PRAGMAONOMASTICS AND ONOMASTIC POTENTIAL OF WORDS OF THE YEAR IN GERMANY AND RUSSIA

L.M. Sapozhnikova
Tver State University, Tver

The article focuses on the pragmaonomastic analysis of proper names and deonyms – «words of the year» in Germany and Russia in 2007–2013. The author explores the composition of the onomastic sphere of German and Russian words of the year as well as characteristics of relevant precedent names of different onomastic types. «Words of the year» with onomastic components form the mental culture of society, system of values and ideas regulating social relations.

Keywords: *German language, Russian language, proper names, pragmatics, words of the year, neologism, precedent names.*

Об авторе:

САПОЖНИКОВА Лариса Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: larsap@rambler.ru